РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!

(ВВЕДЕНИЕ В РУБРИКУ)

Название рубрики полемически заострено. Оно спорит с общеизвестной физической истиной о судьбе рукописей при 451 градусе по Фаренгейту. Оно спорит со стремлением свести ценность произведений науки и культуры к их монетарной стоимости. Оно спорит с кажущейся эфемерностью существования этих произведений в нашем мире, легкостью уничтожения тех физических форм, в которых эти произведения воплощаются, их забвения теми, в дар кому они создавались. Оно спорит с принижением значимости культурного слоя для самого нашего существования. Оно спорит, наконец, с нашей собственной усталостью, когда начинают опускаться руки, культивирующие этот самый слой.

В ночь с 30 на 31 января пожар в ИНИОН РАН намного превысил этот роковой температурный рубеж. Пока что трудно до конца оценить ущерб, нанесенный книжному фонду нашей знаменитой и любимой библиотеки. Полностью или частично разрушены кабинеты многих наших коллег и друзей. В огне погибли книги, рукописи, компьютеры и документы. В том числе – рабочие материалы и архивы Отдела политической науки, Российской ассоциации политической науки, а также Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований.

Тем не менее, работа института не остановилась ни на один день. ИНИОН – это институт научной и, добавлю, интеллектуальной, культурной информации. А лучшие носители информации – это головы и сердца тех сотрудников ИНИОНа и читателей нашей фундаментальной библиотеки, кто, подобно беглецам из романа Брэдбери, скрывшимся в леса, помнит, понимает и сохраняет для других людей все достойное человеческой памяти, все жизненно необходимое для нашего существования и развития. Пожар оказался не властен над нашими замыслами. Он не смог прервать выполнение плановых заданий, реализацию инициативных проектов. Наша повседневная работа продолжается. Наши планы и замыслы реализуются – во многом благодаря быстрой и бескорыстной помощи друзей.

Редакция журнала “Полис” немедленно отозвалась на постигшую нас беду предложением помощи. Первой и самой естественной идеей была экспресс-публикация материалов ежегодника “МЕТОД”, издание которого существенно задерживается из-за технических затруднений. Так возникла рубрика с полемическим названием “Рукописи не горят!”. Она сформирована путем отбора некоторых, наиболее заинтересовавших “Полис” материалов из уже скомпонованной рубрики “МЕТОДа” со своей тематикой и названием – “Власть форм”. О ней и о ее замысле скажу чуть ниже, а пока об общей рамке несгорающих рукописей и непреходящих ценностей. В новой рубрике журнала мы попытались представить как раз те достижения, находки или даже рутинные результаты научной работы, которые опровергают суждения пессимистов. Показательно, что первой реакцией на пожар в ИНИОН РАН был мощно прозвучавший в СМИ вопрос: какие ценности оказались утрачены? Подразумевалась, увы, по большей части аукционная стоимость коллекционных артефактов. Не буду приуменьшать важности коллекций и собраний различных диковинок, включая и единичные экземпляры книг и документов. Однако для нас, русских, национальным достоянием являются не диковинки, а тот самый культурный слой, благодаря которому мы живы и который способен дать осмысленную жизнь нашим новым поколениям. Это наше непреходящее национальное достояние является тем средством самоутверждения, которое мы можем предъявить человечеству. И если, к примеру, говорить о перспективах нашей страны как мировой энергетической державы, то для ее самоутверждения в этом качестве важны не столько кубометры газа, предназначенные для сгорания в горелках электростанций и бытовых плит, сколько культура его добычи и транспортировки. Более того, рискну заявить, что для российской

цивилизации куда ценнее коллекционных артефактов те самые идеи, знания, потоки информации, которыми в повседневном режиме ИНИОН РАН питал, питает и будет питать культурный слой – и свой отечественный, и европейский, и мировой.

В рубрике журнала сконцентрированы тексты, которые редакция сочла не просто интересными или перспективными (такого рода тексты обычно попадают в рубрику "Идеи на вырост"), а важными для усвоения и закрепления содержащихся в них идей и знаний в нашей повседневной практике, не подлежащими забвению и "сгоранию". В данном случае это результаты проработки трансдисциплинарных возможностей морфологии. Поясню, речь идет об эпистемологических возможностях, которые применимы в любых социально-гуманитарных исследованиях. Мы в ИНИОНе полагаем, что на основе этих возможностей можно и нужно сформировать органоны-интеграторы социально-гуманитарного знания. Еще два-три года назад идея органонов-интеграторов социально-гуманитарных исследований скорее соответствовала бы рубрике "Идеи на вырост". Сегодня же ясно, что в нашей исследовательской области монополия математики на обладание такого рода интегрирующим потенциалом (что не отрицается, а принимается в качестве "точки опоры") всерьез оспаривается семиотикой и морфологией. Разумеется, освоение и собственно трансдисциплинарных составляющих морфологии, семиотики и математики, и также их связей со своими дисциплинарными и междисциплинарными приложениями потребует длительного изучения. Однако результаты, которые зафиксированы в статьях Петра Панова, Вернера Патцельта и Ивана Фомина, уже сегодня становятся фундаментом, на котором новым авторам и новым поколениям воздвигать этажи научного знания.

Публикуются рабочие, сокращенные версии статей. С их полными версиями можно будет познакомиться в очередном, шестом выпуске ежегодника "МЕТОД". Тех, кого заинтересуют предложенные подходы, приглашаем присоединяться к проекту Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН по развитию трансдисциплинарных органонов-интеграторов. Мы не прекращали и не собираемся прекращать своей работы. Мы ее только разворачиваем. И ни при каких обстоятельствах не позволим себе опустить руки.

М.В. Ильин

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.09

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ(Ы): ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ПРИЧИННОСТЬ

П.В. Панов

ПАНОВ Петр Вячеславович, доктор политических наук, зав. кафедрой государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: panov.petr@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 16.02.2015. Принята к печати: 25.02.2015

Аннотация. Объяснение является существенной задачей политического исследования как особого жанра текстов о политике. В данной работе обсуждаются и сопоставляются две объяснительные модели, которые получили развитие в рамках институционального подхода. Здесь явно выделяются институционализм рационального выбора и социологический институционализм, которые фундаментально различаются в понимании социальной реальности и природы

Рукописи не горят!

институтов. Для институционализма рационального выбора характерна дедуктивно-номологическая объяснительная модель, которая в наибольшей мере соответствует требованиям логического позитивизма: изучаемое явление объясняется посредством подведения его под общие законы, т.е. посредством показа того, что происходит в соответствии с этими законами при определенных условиях. В то же время следует отметить некоторые ограничения такой объяснительной модели. Во-первых, большое подозрение вызывают ее "универсалистские претензии", свойственные теории рационального выбора. Другая серьезная проблема – невозможность исчерпывающе обосновать сам принцип рациональности. Наконец, в-третьих, феномен рациональности требует понимания социального контекста; объяснения, основанные на рациональности – не просто логическая абстракция, пригодная для любого эмпирического материала, это – абстракция, пригодная для вполне определенного случая, – для того социального контекста, в котором люди мотивированы действовать рационально. Для социологического институционализма в качестве объяснительной модели характерны более гибкие категориальные схемы. Они позволяют уточнять используемые концепты, расщеплять их, если есть необходимость, на несколько составляющих, вводить в объяснительную схему новые концепты, в которых фиксируются те феномены эмпирической реальности, которым прежде не придавалось существенного значения.

Ключевые слова: объяснительная модель; институционализм рационального выбора; социологический институционализм; причинность; категориальная схема; дедуктивно-номологическая модель.

Объяснить явления в мире нашего опыта,
ответить скорее на вопрос 'почему?', чем просто на вопрос 'что?' –
одна из важнейших задач любого рационального исследования.
Гемпель К.Г. Логика объяснения

Авторы многочисленных текстов о политике ставят перед собой самые разные задачи – описания некого предмета (события, процесса, актора и т.д.), его оценки, разработки рекомендаций по улучшению положения дел, побуждения других людей к каким-либо действиям и т.д. Атрибутом *политического исследования как особого жанра*, несомненно, является объяснение (что, разумеется, не исключает других задач). *Объяснение*, как правило, предполагает ответ на вопрос "почему?", поэтому для исследовательской деятельности так важна идея причинности (каузальности). Чаще всего причинность понимается как "генетическая взаимосвязь" между явлениями, когда одно явление (причина) порождает, вызывает к жизни другое (следствие). Как правило, эта связь реализуется при определенных *условиях*, среди которых особо выделяются *необходимые* – такие обстоятельства причинного события, которые сами по себе не порождают его (и поэтому не являются причиной), но необходимы для порождения.

Вместе с тем остается открытым вопрос: каким именно должно быть "правильное" научное объяснение, как оно должно логически выстраиваться? Широкое признание завоевала дедуктивно-номологическая модель объяснения, разработанная К. Гемпелем и П. Оппенгеймом. Авторы полагали, что она является универсальной для всех наук. Далеко не все, однако, согласны с этим утверждением, и в настоящее время в социальных науках широко используются иные модели. Не претендуя на безаппеляционность суждений, я попытаюсь обсудить некоторые из этих объяснительных моделей, получивших развитие в рамках институционального подхода в политической науке.

Для начала несколько слов об институционализме, или, точнее, о "новом институционализме" в политической науке. Заявление о "новом открытии институтов" (*Rediscovering Institutions*) сделали в 1984 г. американские ученые Д. Марч и Й. Олсен [March, Olsen 1984]. Разумеется, когда провозглашают что-то "новое", это означает, что оно уже "появилось на свет". Так и в данном случае. "Поворот" к изучению институтов явно наметился в политической науке уже в 1970-е годы, и происходило это в рамках различных традиций, которые, собственно, и породили несколько направлений в новом институционализме, причем настолько разных, что возникает вопрос, насколько вообще уместно при таком разнообразии использование единого термина "институционализм".

Этим вопросом задается, например, Г. Питерс в одной из самых известных обобщающих работ об институционализме в политической науке. Проанализировав различные направления, он все же счел возможным говорить об институционализме в единственном числе, поскольку "первая и фундаментальная общая черта всех подходов – это их подчеркивание важности институтов" [Peters 2005: 142][1]. Д. Марч и Й. Олсен также указывают на важность институтов как на ключевую характеристику институционализма (в единственном числе). Они отмечают, что многие десятилетия в политической науке доминировали объяснительные модели, которые не рассматривали институты как значимый фактор и сводили объяснения к социальному контексту или редуцировали их к индивидуальным интересам. В противовес этому, "не отрицая важности и социального контекста политики, и мотивов индивидуальных акторов, новый институционализм настаивает на более автономной роли политических институтов" [March, Olsen 1984: 738].

Тем не менее за этим сходством – "институты имеют значение" – скрываются настолько глубокие различия, что многие авторы склонны говорить о разных "институционализмах". П. Холл и Р. Тейлор полагают, что "за последние пятнадцать лет появились как минимум три различных аналитических подхода, каждый из которых называет себя новым институционализмом" [Hall, Taylor 1996: 936]. Об "институционализмах" во множественном числе пишет и В. Шмидт, выделяя, правда, не три, а четыре институционализма [Schmidt 2010: 65].

Мне представляется, что о разных институционализмах имеет смысл говорить тогда, когда речь идет об имеющих фундаментальное значение различиях в понимании социальной реальности и природы институтов. В этом плане явно выделяются институционализм рационального выбора и социологический институционализм.

Начнем с того, что у них совершенно разное "происхождение". Первый стал следствием экспансии экономической науки и зародился в рамках "политической экономии". Ключевое значение имели политэкономические исследования Конгресса США, которые привели группу ученых (К. Шепсл, Б. Вейнгаст и др.) к выводу, что поведение конгрессменов невозможно объяснить без учета институциональной структуры конгресса. Социологический институционализм возник в рамках теории организаций (Д. Мейера и Б. Рован, П. Димаджио и У. Пауэлл). "Первооткрыватели" нового институционализма Д. Марч и Й. Олсен принадлежали именно к этой научной традиции. Не случай-

[1] Большой четырехтомник, подготовленный тем же Питерсом совместно с Д. Пьером, в котором собраны наиболее важные за последние десятилетия тексты, также называется "Институционализм" в единственном числе [Institutionalism 2007].

но новый институционализм поначалу ассоциировался именно с ней, а также со школой сравнительных историко-политических исследований (Р. Бендикс, С. Роккан, Ш. Эйзенштадт и др.). Последняя изначально базировалась на структурно-функционалистской парадигме, но постепенно исследователи стали обращать все больше внимания на институциональную составляющую, так как именно институты могли объяснить устойчивость одних и слабость других политических форм и в целом многообразие путей политического развития (С. Хантингтон, Т. Скочпол). Позднее из этой традиции вырос исторический институционализм. Таким образом, можно говорить о трех разных научных традициях[2]. Иначе говоря, разные школы политической науки шли очень разными путями к выводу, что "институты имеют значение".

Исторический институционализм, однако, не сформулировал какой-то особой позиции в понимании природы институтов [Hall, Taylor 1996: 940; Scharpf 2000: 770]. Поэтому мне представляется, что его (как и некоторые другие направления, например, дискурсивный институционализм) можно рассматривать в качестве особых "версий", тогда как институционализм рационального выбора и социологический институционализм придерживаются настолько разных представлений о социальной реальности, что о них можно говорить как о "различных институционализмах". Они фундаментально различаются тем, что задают разные "рамки" (*frameworks*), которые заставляют исследователя по-разному интерпретировать реальность. Они дают принципиально разные "оптики", в которых ученые по-разному "смотрят" на мир и, соответственно, "видят" ("различают") в этом мире разные объекты, по-разному связывают их между собой. Наконец, они используют различные логические модели объяснения.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Если мы объясняем социальные взаимодействия в "оптике" институционализма рационального выбора, мы "видим" в первую очередь индивидов. Индивид имеет определенные предпочтения (*preferences*). Будучи рациональным актором, он анализирует имеющиеся альтернативные варианты поведения и выбирает тот, который наиболее соответствует его предпочтениям. Выбор из альтернативных вариантов производится через сопоставление (калькуляцию) выгод (максимизация предпочтений) и издержек, которыми будет сопровождаться каждая альтернатива. Поэтому рациональным будет выбор той альтернативы, которая в сумме дает самый оптимальный результат.

Вместе с тем для того чтобы сделать рациональный выбор, индивид должен учитывать, как будут вести себя другие акторы – его контрагенты. Сделать это по меньшей мере затруднительно, и тогда возникает ситуация неопределенности, в которой крайне сложно сделать рациональный выбор. Проблема решается путем создания институтов. Они понимаются как "правила игры", или "созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми" [Норт 1997: 17-18]. Снижая трансакционные издержки, институты уменьшают неопределенность и тем самым позволяют акторам координировать свои действия. В этом смысле наличие институтов выгодно всем участникам взаимодействия, что позволяет объяснять их со-

[2] Как отмечают П. Холл и Р. Тейлор, "несмотря на их сходство, эти три школы мысли развились совершенно независимо друг от друга, по крайней мере, если судить по тому, что в литературе между ними практически нет перекрестных ссылок" [Hall, Taylor 1996: 937].

здание опять-таки в качестве рационального выбора взаимодействующих акторов. Разумеется, у них разные предпочтения по поводу того, какой институт лучше, и институциональный выбор зависит от соотношения сил между акторами. Но даже менее выгодный институт для акторов лучше, нежели отсутствие института, хотя подчинение этому институту – опять-таки не императив, а вопрос рационального выбора [Ostrom, Crawford 1995: 587-588].

В целом логика институционализма рационального выбора вполне соответствует дедуктивно-номологической модели объяснения. Суть такого объяснения состоит в том, что изучаемое явление "объясняется посредством подведения его под общие законы, т.е. посредством показа того, что происходит в соответствии с этими законами в силу реализации определенных антецедентных условий" [Гемпель 1998: 90]. Объяснение состоит из двух главных частей – *эксплананду*м и *экспланан*с. Первое представляет собой описание некоего события, второе состоит из общих утверждений, которые позволяют объяснить эксплананду*м*. Эти утверждения включают в себя: а) специфические антецедентные условия; б) общие законы. Как отмечают К. Гемпель и П. Оппенгейм, "если Е описывает отдельное событие, то антецедентные условия, описанные в предложениях $C_1, C_2, \ldots C_к$, можно сказать, причинно 'вызывают' это событие в том смысле, что существуют определенные эмпирические закономерности, выраженные законами $L_1, L_2 \ldots, L_t$, согласно которым появление условий, зафиксированных в $C_1, C_2 \ldots, C_к$, обеспечивает появление события, описанного в Е. Высказывания типа $L_1, L_2 \ldots, L_t$, устанавливающие общие и абсолютные связи между определенными характеристиками явлений, обычно называют причинными, или детерминистскими законами" [Гемпель 1998: 95].

Следует заметить, что термин "антецедентные условия" не соответствует общепринятому значению понятия "условие" как совокупности обстоятельств причинного события, которые сами по себе не "порождают" следствие (и в силу этого не являются причиной), но способствуют его порождению. Антецедентные условия в модели К. Гемпеля и П. Оппенгейма – это скорее "наличие" в объясняемом явлении признака, который содержится в общем законе. Поэтому "причинными" оказываются оба компонента экспланан*с*а: антецедентные условия "вызывают" событие, а общие законы представляют собой "причинные законы".

Что считать причиной (если руководствоваться дедуктивно-номологической логикой) в институционализме рационального выбора? Предпочтения индивидов, их взгляды, убеждения? Мотивации? Рациональность? Вероятно, возможны разные интерпретации, но, на мой взгляд, более точно рассматривать в качестве причины рациональность, которая связана с мотивацией (но не с предпочтениями). Иначе говоря, "причинным законом" (L) здесь является рациональность индивидов: "люди ведут себя рационально", т.е. производят рациональный выбор в пользу наиболее благоприятных альтернатив. Данный закон вместе с антецедентными условиями (наличие в данной ситуации людей, способных к рациональному поведению, т.е. обладающих рациональными мотивациями) "порождает событие" – соответствующее поведение, действие индивида. Строго говоря, "выбор" и "действие" находятся в сложном соотношении: сам "выбор" можно интерпретировать как действие или, по крайней мере, как "момент" действия. Но в данном случае

Рукописи не горят!

имеет смысл развести эти понятия. Тогда действием (как следствием) будет поведение, а "выбором" (как причиной) – решение действовать определенным образом.

Вместе с тем, как и другие каузальные связи, "закон рациональности" реализуется при наличии некоторых необходимых условий (здесь речь идет уже не об антецедентных условиях, а об условиях в обычном понимании). И наличие у индивидов предпочтений, на мой взгляд, является в логике институционализма рационального выбора как раз условием, а не причиной. То есть при наличии предпочтений рациональность (как причина) порождает определенное действие (следствие). Это первое. Второе необходимое условие – наличие альтернатив, причем их "список" должен быть таким, чтобы рациональный выбор был возможным. Иначе говоря, альтернативы должны быть как минимум сравнимы, транзитивны и рефлексивны – то, что в теории рационального выбора обозначается как "мягкие" условия рациональности [Tsebelis 1990: 24-26]. В-третьих, в перечень условий следует включить институты, поскольку именно их наличие снижает неопределенность и делает возможным рациональный выбор.

Таким образом, институты в этой логике являются не причинами, а "всего лишь" *условиями*, необходимыми для "производства" акторами рационального поведения. Но не только. Институты в модели рационального выбора не просто снижают степень неопределенности, но и влияют на сам "выбор", т.е. на калькуляцию "выгоды – издержки". Хорошо известен, к примеру, феномен стратегического голосования (или "психологические эффекты принципа большинства"), когда избиратели голосуют не за наиболее предпочтительного кандидата, а за того, кто имеет шанс победить на выборах, когда они проводятся по мажоритарному принципу. Если бы на выборах использовался пропорциональный принцип (другие институты – правила игры), они бы голосовали за наиболее предпочтительную для них партию. Кроме того, институты влияют и на "набор альтернатив". Например, правила регистрации кандидатов (более жесткие или мягкие) в значительной степени определяют, сколько кандидатов будет в избирательном бюллетене.

Но означает ли это, что институты приобретают "причинное значение" при голосовании, т.е. рациональном выборе, который делает избиратель? Думается, нет, ни на рациональность, ни на предпочтения избирателя институты здесь не влияют, но они воздействуют на сам процесс рационального выбора, и это можно описать в терминах влияния на "стратегии акторов", на "принятие решений" и т.д. Как представляется, это иной вид взаимосвязи, нежели причина и условие. Здесь скорее можно говорить о том, что институты являются *фактором*, если понимать факторы как существенные обстоятельства, имеющие значение, оказывающие влияние на данное явление (событие), но, в отличие от условий, не являющиеся необходимыми для возникновения данного явления.

Дедуктивно-номологическая модель объяснения, свойственная институционализму рационального выбора, вызывает множество вопросов и критических замечаний. Некоторые из них, на мой взгляд, очень серьезны, а на другие находятся вполне резонные контраргументы.

Прежде всего, нельзя не заметить, что рациональность как причина, объясняющая поведение акторов, тесно связана с "мотивацией". Насколько кор-

ректно сводить причины к мотивам? Вообще-то, в логике принято разводить причинные и мотивационные виды объяснений, но в данном случае формальное различие между мотивационным и причинным объяснением устраняется [Гемпель 1998: 100]. Впрочем, о такой возможности писал еще М. Вебер: "'Мотивом' называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия" [Вебер 1990б: 611]. На это же обращает внимание П. Уинч, анализируя наиболее близкий к "идеальному типу", как он называет, "парадигматический" случай совершения действия – действие "по причине": "Предположим, что о некой персоне, N, говорят, что он проголосовал за лейбористов на последних общих выборах, потому что он полагал, что лейбористское правительство скорее всего сохранит индустриальный мир. Что это за объяснения? Самым ясным случаем является тот, в котором N перед тем, как голосовать, обсудил все 'за' и 'против' голосования за лейбористов и пришел эксплицитно к выводу: 'Я буду голосовать за лейбористов, потому что это – наилучший путь сохранить индустриальный мир'. Это представляет собой парадигматический случай совершения кем-то действия 'по причине'" [Уинч 1996: 34].

Но даже если мы признаем корректность сведения причин к мотивациям, возникает вопрос: откуда же мы знаем "истинные мотивы" акторов? В тех редких случаях, когда актор отдает себе отчет в своих действиях, у него можно спросить, однако нет гарантии, что он ответит "честно". Кроме того, людям свойственна так наз. рационализация, когда они сами ищут мотивы своих действий, зачастую для оправдания этих действий. Все это, разумеется, создает определенные трудности, но они в принципе решаемы путем создания более тонкого исследовательского инструментария, который позволяет фиксировать скрытые от непосредственного наблюдения явления, устранять погрешности в наблюдении и т.д. В этом плане ситуация в социальных науках ничем не отличается от естественных наук. Физики, к примеру, изучают огромное количество явлений, которые невозможно наблюдать непосредственно, создавая самые разнообразные приборы – от простейшей лупы до адронного коллайдера.

Но что делать, если сам актор не в состоянии сформулировать свой мотив? И это может быть вызвано не только его низкими рефлексивными или интеллектуальными способностями, но и тем, что не все акторы и не всегда ведут себя рационально. Последнее утверждение – пожалуй, наиболее широко распространенное возражение против теории рационального выбора, но, на мой взгляд, с точки зрения логики объяснения оно не выдерживает критики.

Во-первых, задача политической науки, как и социологии, – не в том, чтобы объяснить каждый отдельный случай, а в том, чтобы выявлять и объяснять общие закономерности для неких классов явлений. Здесь опять-таки прослеживается сходство с естественными науками, о чем писали, защищая дедуктивно-номологическую логику, К. Гемпель и П. Оппенгейм: "Каждое отдельное явление в физических науках не менее, чем в психологии или социальных науках, уникально в том смысле, что оно, во всех своих характеристиках, не повторяется. Однако отдельные явления могут подчиняться общим законам причинного типа, следовательно, быть объясненными с их помощью... Все, что необходимо для проверки и применения таких законов, – это повторение явлений с антецедентными характеристиками, т.е. повторение этих характеристик, а не их индивидуальных воплощений" [Гемпель 1998: 99].

Во-вторых, исследователь имеет право, более того, он должен объяснять то, что не могут объяснить себе "обычные люди". П. Уинч, например, описав "парадигматический случай действия по причине", указывает, что "не все случаи осмысленного поведения так ясны, как этот... N – до голосования – может не сформулировать никакой причины такого своего голосования. Но это совершенно необязательно исключает возможность сказать, что он имеет причину голосовать за лейбористов, и определить эту причину" [Уинч 1996: 35].

В-третьих, и это представляется наиболее важным, как подчеркивал М. Вебер, "знание социальных законов не есть знание социальной действительности", задача научного объяснения – "мысленное упорядочение эмпирической действительности" [Вебер 1990а: 378, 349]. С этой целью ученые "производят" понятия, законы, идеально-типические конструкции. В качестве примера М. Вебер приводит как раз экономические объяснения поведения и отмечает, что они "в том смысле 'далеки от действительности', что их значение находит свое выражение в следующем вопросе: каким *было бы* поведение при идеальной и чисто экономически ориентированной целерациональности?" [Вебер 1990б: 623]. Разумеется, мыслительные конструкты, упорядочивающие наше представление о реальности, должны подтверждаться эмпирическими исследованиями: "Законы... являют собой подтвержденную наблюдением типическую *вероятность* того, что при определенных условиях социальное поведение *примет* такой характер, который позволит *понять* его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид" [там же: 620].

Если руководствоваться таким взглядом на научное объяснение реальности, "общий закон рациональности" и созданная на его основе объяснительная модель вполне корректны, даже если мы не можем наблюдать рациональность, даже если актор "не знает", что он был рационален, и даже если часть акторов ведет себя совсем не рационально. Исследователь, разумеется, понимает все это, но, описывая их поведение с точки зрения рациональности, дает более или менее внятную способную упорядочить в нашем представлении социальную реальность картину того, как протекают социальные взаимодействия. Фактически речь идет о так наз. логике *as if* – той самой, которую исповедуют многие представители институционализма рационального выбора.

Тем не менее проблема здесь есть, но она, на мой взгляд, не столько в логике рационального объяснения, сколько в том, каким образом эти объяснения производятся. Рациональностью можно объяснить практически все, хотя бы потому, что исследователь сам находит рациональные объяснения наблюдаемым эмпирическим явлениям (событиям, взаимодействиям, процессам и т.д.), тем более объяснения производятся *post hoc*, т.е. истолковываются уже известные факты. Более того, если объяснения не подтверждаются эмпирическим материалом, можно найти другие рациональные объяснения, которые будут подтверждаться. В конце концов, можно найти рациональные объяснения того, почему люди ведут себя нерационально. Все это приводит порой к уязвимости объяснений в институционализме рационального выбора. Как отмечают в ставшей широко известной критической работе К. Грин и Й. Шапиро, "теории рационального выбора порой формулируются столь общо, что вмещают всякую мыслимую альтернативную гипотезу" [Грин, Шапиро 1993: 70].

В чем причина такой "легковесности", поверхностности объяснений? Как подчеркивал М. Вебер, "*правильное* каузальное толкование конкретного *действия* означает, что соответствие внешнего хода событий его мотивам познано *правильно и что они стали понятны* по смыслу своего соотношения" [Вебер 1990б: 612]. Отнюдь не будучи противником конструирования мыслительных конструкций, которые упорядочивают наши представления о реальности, он тем не менее не уставал подчеркивать, что объяснение предполагает интерпретацию, которая имеет целью понимание *смысла* поведения людей: "Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор, или сражаясь с врагом (т.е. рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, т.е. иррационально)" [там же: 608].

Можно привести немало примеров объяснений, выполненных в дедуктивно-номологической логике и учитывающих возможность разных смыслов рационального поведения акторов. Так, исследователи электоральной конкуренции учитывают, что партии и кандидаты, действуя рационально, могут руководствоваться различными смыслами. Одни стремятся к максимизации голосов избирателей (*vote-seeking*), другие борются за должности (*office-seeking*), третьи продвигают свои политические курсы (*policy-seeking*), четвертые хотят извлечь из электорального процесса ренту (*rent-seeking*) [Müller, Strøm 1999]. По-разному могут выстраиваться взаимоотношения между партиями и их сторонниками, соответственно: наряду с программно-ориентированными партиями (*programmatic parties*) выделяются клиентелистские, этнические и т.д. [Patrons, clients, and policies... 2007]. Но нередко авторы просто не задаются вопросом о смысле взаимодействий, довольствуясь наблюдением за внешним ходом событий, несмотря на то, что за внешней похожестью могут скрываться очень разные смыслы. Если люди верят, что, воткнув иголку в куклу, они причинили страдание прототипу этой куклы, желание нанести вред недругу будет причиной "втыкания иголки в куклу". И если исследователь не понимает этот смысл, он будет искать (и найдет!) рациональные объяснения, почему люди втыкают иголку в куклу, исходя из собственных представлений о том, зачем это можно делать. Более того, верифицируя свои объяснения на эмпирическом материале, он, вполне возможно, обнаружит какие-то статистически значимые регулярности и взаимосвязи. Однако вряд ли это будет адекватное каузальное объяснение[3]. Этих слабостей можно избегать при условии, что исследователь стремится понять смысл поведения людей, прежде чем объяснять их "законом рациональности".

Тем не менее среди критических замечаний в отношении институционализма рационального выбора есть такие, на которые, на мой взгляд, невозможно дать ответ в рамках дедуктивно-номологической логики. Во-первых, большое подозрение вызывают "универсалистские претензии", свойственные теории рационального выбора. Как подчеркивают К. Грин и Й. Шапиро,

[3] По словам М. Вебера, "лишь такого рода статистические виды регулярности, которые соответствуют субъективно *понятному* смыслу социального действия, являются (в принятом здесь значении) типами понятного действия, то есть "социологическими закономерностями" [Вебер 1990б: 612-613].

"одно дело – полагать, что политическому поведению свойствен закономерный характер, и совсем другое – что оно целиком подчиняется одним и тем же законам" [Грин, Шапиро 1993: 70]. Правда, нельзя не заметить, что стремление свести самые разнообразные (по большому счету, все) социальные явления к одному общему, и в этом смысле "универсальному", закону рациональности – не столько вина институционализма рационального выбора, сколько неизбежный результат дедуктивно-номологической модели объяснения.

Другая серьезная проблема – невозможность объяснить сам феномен рациональности. Строго говоря, дедуктивно-номологическая модель объяснения выстроена так, что одни причинные объяснения – "законы" должны как бы "вкладываться" в другие. "Вопрос 'почему?', – пишут К. Гемпель и П. Оппенгейм, – может возникать также и в отношении общих законов... Таким образом, объяснение закономерности заключается в подведении ее под другую, более общую закономерность, под более общий закон" [цит. по: Гемпель 1998: 91]. Закон всемирного тяготения, например, как таковой объясняет множество эмпирических явлений, но не объясняет, почему же все-таки тела притягиваются друг к другу. Для объяснения этого должен быть открыт другой, видимо, более общий закон. Точно так же утверждение "люди ведут себя рационально" объясняет класс эмпирических явлений – поведение людей, однако оно не содержит объяснения "самого себя". И в скрытом виде сама по себе постановка этого вопроса означает, что люди не всегда ведут себя рационально, потому что, если следовать той же дедуктивной логике, для ответа на этот вопрос необходимо сформулировать: а) причину, "порождающую" феномен рациональности, и б) необходимые условия, при которых это "порождение" происходит. Следовательно, рациональность – не атрибут индивидов, она "возникает" вследствие неких причин и при наличии неких условий.

Наконец, в-третьих, дедуктивно-номологическая модель объяснения предполагает, что между социальными и естественными науками нет существенной разницы с точки зрения логики объяснения, однако это достаточно сомнительное утверждение. Попробуем чуть дальше продолжить пример с избирателем, голосующим за лейбористов, который П. Уинч использует для иллюстрации своих размышлений. Мы остановились на том, что избиратель не может объяснить мотивы своего голосования, и за него это делает исследователь, руководствуясь некими теоретическими представлениями. Представим себе, что предложенное им рациональное объяснение получило широкое распространение и признание, вошло в школьные учебники, активно воспроизводится в публичном дискурсе, в средствах массовой информации и т.д. Если так, то очень может быть, что через какое-то время это объяснение превратится из эмпирической теории в нормативное утверждение, и рациональность станет легитимным, "правильным" способом поведения на выборах. Но это означает, что, изменив представления участников процесса о голосовании, мы поменяли объект исследования, тогда как позитивистская логика исследования требует, чтобы тот класс явлений, который мы объясняем, не изменялся (разумеется, не вообще, а в части тех характеристик, которые характерны для него как класса явлений).

Как представляется, в данном случае мы имеем принципиальные отличия социальных наук и естественных. Естествоиспытатели могут исследовать

феномен грома и молнии как класс огромного количества случаев, удовлетворяющих признакам “гром и молния”. Это – общий для всех случаев признак, и то, что мы “назвали” этот признак именно так, не влияет на его наличие / отсутствие в отдельных случаях. В социальных науках ситуация совсем иная. “Назвав”, т.е. обозначив некое явление и объяснив его так или иначе, исследователь оказывает на него влияние, изменяет как раз те его характеристики, которые должны быть постоянными, чтобы можно было выделять некий класс явлений. Значит, этот класс “возникает” в определенном контексте, а, в отличие от грома и молнии, не “существует всегда”. Иными словами, сформулировав “закон рациональности”, мы “делаем” людей рациональными. Следовательно, феномен рациональности требует понимания социального контекста, объяснения, основанные на рациональности, – не просто логическая абстракция, пригодная для любого эмпирического материала, это – абстракция, пригодная для вполне определенного материала – для того социального контекста, в котором люди действуют рационально. С другой стороны, и сами эти объяснения – продукт вполне определенных социальных условий, они обусловлены контекстом и имеют смысл только в этом контексте.

Проблема, судя по всему, в том, что в рамках теории рационального выбора все эти вопросы не могут быть поставлены, данная теория оказывается “заперта в клетке” общего закона рациональности, и в этом, на мой взгляд, главное ограничение объяснений в рамках институционализма рационального выбора. Такое ограничение отсутствует в социологическом институционализме благодаря тому, что он базируется на иной логике объяснения.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Если в “оптике” институционализма рационального выбора мы видим, в первую очередь, рациональных индивидов, “оптика” социологического институционализма направляет наш взгляд на социальные порядки. На это, в частности, обращает внимание один из наиболее влиятельных представителей социологического институционализма Н. Флигстин: “Все новые институциональные теории исследуют то, как конструируются локальные социальные порядки [*local social orders*], которые могут быть названы ‘полями’, ‘аренами’ или ‘играми’... Новые институциональные течения основываются на теории социального конструктивизма – в том смысле, что они рассматривают создание институтов как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися друг с другом на полях или аренах” [Флигстин 2002: 120-121].

Таким образом, отвергая принцип (постулат) методологического индивидуализма, социологические институционалисты отказываются и от холистского взгляда на мир, свойственного “старым” структуралистским теориям. В этом смысле они занимают интеракционистскую позицию, которая преодолевает контрадикцию “структура *versus* агент” и вместо этого фокусирует внимание на социальных взаимодействиях, которые здесь не редуцированы к поведению рациональных индивидов. Скорее, напротив, индивиды являются продуктом социальных взаимодействий. Институты в этой “оптике” невозможно объяснять рациональными расчетами акторов, поскольку в данном случае акторы сами укоренены в институтах, т.е. в инсти-

Рукописи не горят!

туционализированных социальных порядках. С другой стороны, эти порядки "существуют" не объективно, а постольку, поскольку они воспроизводятся акторами в практиках социальных взаимодействий.

В этой "оптике" задача институционального исследования – прежде всего, описать социальный порядок, соотнести его с другими порядками, определить, в чем специфика данного порядка. Это позволяет объяснить, почему люди ведут себя именно так, а не иначе. Но одновременно стоит и другая задача – объяснить социальными взаимодействиями воспроизводство и (или) изменения социального порядка. Маловероятно, чтобы все это можно было понять с помощью дедуктивно-номологической модели и какого-то одного "общего закона". Логика объяснений в социологическом институционализме выстраивается совсем иначе, через создание категориальной схемы.

Создание категориальной схемы как модели объяснения требует, прежде всего, выделения определенных свойств, явлений реальности. Это делается с помощью понятий или терминов, "охватывающих аспекты социального мира, которые считаются существенными для определенных аналитических целей" [Тернер 1985: 29]. Понятия выстраиваются в суждения, характеризующие отношения между феноменами, которые зафиксированы в понятиях, а суждения, в свою очередь, систематически (т.е. взаимосвязано и логически непротиворечиво и последовательно) организуются в некую "систему". Как и дедуктивно-номологический "общий закон", категориальная схема, разумеется, не является "реальностью", а представляет собой конструкт, который позволяет мысленно упорядочить эмпирическую действительность. Но, в отличие от дедуктивно-номологического объяснения, категориальная схема как объяснительная модель не сводит все объяснения к одному "общему и причинному закону". Взаимосвязи между понятиями, точнее, между различными сторонами реальности, зафиксированными в данных понятиях, в этой схеме могут быть самые разные – каузальные, интерактивные, структурно-функциональные и т.д.

Так, если в качестве "центрального" взять концепт "социальный порядок", при его описании мы выходим, в первую очередь, на понятие институтов, поскольку социальный порядок предполагает институционализацию. Однако институты в социологическом институционализме понимаются не просто как правила игры, регулирующие социальные взаимодействия, а представляют собой значительно более насыщенное понятие. Несмотря на то, что до единства в определении институтов в лагере социологических институционалистов очень далеко, все авторы рассматривают институты как комплексное явление. Р. Скотт, к примеру, выделяет "три опоры" (*pillars*) социальных институтов – регулятивную, нормативную и когнитивную [Scott 1995: 49-55]. По мнению Д. Марча и Й. Олсена, "институт – это относительно устойчивый набор правил и организованных практик, укорененных в структурах значений и ресурсах, которые относительно неизменны перед лицом изменчивости индивидов и относительно устойчивы в контексте уникальных индивидуальных предпочтений и ожиданий и меняющихся внешних обстоятельств" [March, Olsen 2006: 3]. Н. Флигстин полагает, что "институты – это правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны" [Флигстин 2002: 122].

Таким образом, концепт институтов "распаковывается" на несколько составляющих – правила, нормы, коллективные смыслы, системы значений и т.д. При этом особый акцент делается на "укорененность" институтов в социальных представлениях, на культурных смыслах, "разделяемых ментальных моделях" и т.д. Иначе говоря, институционализация предполагает легитимацию, благодаря чему институциональный порядок воспринимается как оправданный, обоснованный. Соответственно, понятия, описывающие процессы легитимации, также включаются в категориальную схему социального порядка.

Наряду с легитимацией, социологический институционализм подчеркивает властную природу социальных порядков, что фиксируется в таких концептах, как "арены", "поля", "иерархии", "центры" и т.д. Как отмечает Н. Флигстин, "правила взаимодействия и распределения ресурсов действуют как источники власти, а в сочетании с моделью акторов выступают в качестве фундамента, на котором происходит конструирование и воспроизводство институтов" [там же: 121].

Кроме того, институты не "существуют объективно", а воспроизводятся в социальных взаимодействиях. Поэтому принципиально важным для социологического институционализма понятием является концепт "практик" как некий класс взаимодействий, которые интерпретируются акторами как происходящие в одной и той же "типичной ситуации" и осмысливаются определенным образом.

Вместе с тем властные иерархии порождают конфликты и борьбу на институционализированных аренах взаимодействия, что становится источником институциональных изменений и трансформаций социальных порядков. "Основным источником динамики современного общества, – подчеркивает Н. Флигстин, – являются непростые взаимоотношения между привилегированными группами и теми, кто стремится изменить ситуацию, борьба между господствующими группами в рамках полей и за их пределами, направленная на создание и поддержание полей, а также намеренное или непреднамеренное вторжение на соседние поля как результат этой борьбы" [там же: 125].

Даже такое краткое и весьма упрощенное изложение показывает, что "оптика" социологического институционализма не способна выработать дедуктивно-номологическую модель объяснения, поскольку взаимосвязи между понятиями настолько сложны и разнообразны, что их редукция к какому-либо "общему закону" практически невозможна. Вероятно, это выглядит как недостаток с точки зрения логического позитивизма, но это позволяет снять ограничение, свойственное институционализму рационального выбора, и объяснить феномен рациональности. Индивиды здесь – не рациональные акторы *per se*. Они институционально и культурно укоренены в социальных порядках, и если они ведут себя рационально – это эффект соответствующего социального порядка.

В данном случае институты оказываются именно *причиной* того или иного поведения индивидов, а не условием, которое необходимо для производства рационального выбора. Однако, с другой стороны, институты "существуют" лишь постольку, поскольку они воспроизводятся акторами. Следовательно, каузальная связь здесь несколько иная, чем в дедуктивно-номологической модели: о том, что институты "порождают" соответствующее поведение, можно говорить лишь тог-

да, когда акторы "следуют правилам". Если же этого не происходит, если акторы стремятся изменить институциональную среду, создать новые смыслы и нормы поведения, "действующие" институты, очевидно, теряют "причинное значение", и объяснение поведения, направленного на институциональные изменения, основывается на других взаимосвязях, например, – между поведением актора и его "местом" в структуре властно-иерархического поля.

Такая категориальная схема как объяснительная модель обладает бо́льшим объяснительным потенциалом, потому что включает в себя количественно превосходящую и более разнообразную по качеству совокупность взаимосвязей между концептами. Соответственно, мы можем объяснить (но разным образом!) и то поведение, где акторы "следуют правилу", и то, где они нарушают правила, где они "создают" новые институты – поля, правила и смыслы[4]. Это, в свою очередь, позволяет объяснить и такой феномен как множественность сосуществующих институциональных порядков, когда в рамках одной арены взаимодействия институционализируются различные практики поведения. Они по-разному осмысливаются, обосновываются и оправдываются[5]. При этом речь идет не только о том, что разные акторы (группы акторов) производят, продвигают, навязывают разные правила и смыслы. Одни и те же акторы могут воспроизводить разные модели поведения, и это означает, что они освоили некий "репертуар практик" [Граждане и политические практики в современной России... 2011]. Таким образом, на аренах взаимодействия происходит борьба, и через этот конфликт развиваются, эволюционируют и трансформируются социальные порядки.

Все это, разумеется, отнюдь не означает, что в объяснении социальных порядков в логике категориальной схемы социологического институционализма нет нерешенных проблем. Напротив, вопросов остается предостаточно. Почему не все акторы, которые в силу своего места в иерархических полях должны бы стремиться к изменению институциональной среды, делают это? Почему и как, имея в своем распоряжении "репертуар практик", акторы "выбирают" (и "выбирают" ли?) именно ту, которую воспроизводят в данной конкретной ситуации? Все это выводит на более общий вопрос о соотношении индивидуального и коллективного. Тезис об укорененности индивида в социальном порядке, с одной стороны, и объяснение борьбой в иерархических полях того, почему индивиды "не следуют" сложившимся правилам, с другой стороны, дают лишь общую рамку для исследования этого вопроса, но не раскрывают всю сложность соотношения индивидуального и коллективного в социальных практиках. Существенные трудности возникают в эмпирических исследованиях, поскольку изучение социальных практик требует очень тонкого инструментария, который позволял бы обнаруживать, фиксировать и анализировать скрытое от непосредственного наблюдения.

* * *

Резюмируя, рискну высказать мнение, что категориальная схема как объяснительная модель является значительно более гибкой, нежели дедук-

[4] См., например, концепции "институциональных предпринимателей" [DiMaggio 1988], "социальных навыков" [Fligstein, McAdam 2012].

[5] См. концепцию "множественности миров" [Болтански, Тевено 2013].

тивно-номологическая модель. Она позволяет уточнять используемые концепты, расщеплять их, если есть необходимость, на несколько составляющих, вводить в объяснительную схему новые концепты, в которых фиксируются те феномены эмпирической реальности, которым прежде не придавалось существенного значения. Все это внушает оптимизм с точки зрения перспективы дальнейших исследований в рамках данной объяснительной модели.

Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение. 576 с.

Вебер М. 1990а. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания. – Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 345-415.

Вебер М. 1990б. Основные социологические понятия. – Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 602-643.

Гемпель К.Г. 1998. *Логика объяснения*. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество. 240 с.

Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка (Ред. коллегия: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов). 2011. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 318 с.

Грин К., Шапиро Й. 1993. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: Почему так мало удалось узнать? – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 59-74.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги "НАЧАЛА". 189 с.

Тернер Д. 1985. *Структура социологической теории*. М.: Прогресс. 471 с.

Уинч П. 1996. *Идея социальной науки и ее отношение к философии*. М.: Русское феноменологическое общество. 107 с.

Флигстин Н. 2002. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. – *Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 119-156.

DiMaggio P. 1988. Interest and Agency in Institutional Theory. – *Institutional Patterns and Organizations*. Cambridge, MA: Ballinger. P. 3-22.

Fligstein N., McAdam D.A. 2012. *Theory of Fields*. N.Y.: Oxford University Press. 256 p.

Hall P., Taylor R. 1996. Political Science and the Three New Institutionalisms. – *Political Studies*. Vol. 44. No. 5. P. 936-957.

Institutionalism (ed. by Peters G., Pierre J.). 2007. Los Angeles, Calif.: Sage. 4 vols.

March J., Olsen J. 2006. Elaborating the "New Institutionalism". – *The Oxford Handbook of Political Institutions (Ed. by Rhodes R., Binder S.A., Rockman B.)*. Oxford: Oxford University Press. P. 3-20.

March J., Olsen J. 1984. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. – *American Political Science Review*. Vol. 78. No. 3. P. 734-749.

Müller W., Strøm K. 1999. *Policy, Office, or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions*. Cambridge: Cambridge University Press. 319 p.

Ostrom E., Crawford S. 1995. A Grammar of Institutions. – *American Political Science Review*. Vol. 89. No. 3. P. 582-600.

Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition (Ed. by Kitschelt H., Wilkinson S.). 2007. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 377 p.

Рукописи не горят!

Peters G. 2005. *Institutional Theory in Political Science: "The New Institutionalism"*. L.; N.Y.: Continuum. 183 p.

Scharpf F. 2000. Institutions in Comparative Policy Research. – *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No. 6/7. P. 762-790.

Schmidt V. 2010. Reconciling Ideas and Institutions Through Discursive Institutionalism. – *Ideas and Politics in Social Science Research (ed. by Béland D., Cox R.)*. Oxford: Oxford University Press. P. 64-89.

Scott W. 1995. *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Thousand Oaks: Sage Publications. 266 p.

Tsebelis G. 1990. *Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics*. Berkeley: University of California Press. 274 p.

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.09

INSTITUTIONALISM(S): EXPLANATORY MODELS AND CAUSALITY

P.V. Panov[1]

[1]*State National Research Polytechnical University of Perm. Perm, Russia*

PANOV Petr Vyacheslavovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Department of Public Administration and History, State National Research Polytechnical University of Perm, Professor of the Department of Political Sciences, Perm State National Research University. Email: panov.petr@gmail.com

Received: 16.02.2015. Accepted: 25.02.2015

Abstract. The explanation is assumed as an essential feature of political studies as a special genre of political discourse. Two explanatory models, which have been developed in institutional political studies, are discussed in the article. Rational choice institutionalism and sociological institutionalism differ fundamentally in the understanding of social reality and the nature of social institutions. Deductive-nomological model inherent in rational choice institutionalism meets the requirements of logical positivism to a greater extent. Studied phenomenon is explained by applying general laws to it, i.e. by showing what happens in accordance with these laws in certain conditions. At the same time, such an explanatory model reveals some limitations. Firstly, "universalist claims", which are inherent in rational choice institutionalism, fall under suspicion. Another serious problem is the inability to explain the phenomenon of rationality as such. Finally, the phenomenon of rationality requires taking into account the social context, since the explanation based on rationality is not just a logical abstraction suitable for any empirical material. On the contrary, it is suitable for the specific social context in which people act rationally. Sociological institutionalism uses such explanatory models as categorial schemes that are much more flexible in comparison with deductive-nomological logic. They allow us to specify the concepts used, split them, if necessary, into several components as well as to enter new concepts that fix those phenomena of empirical reality that previously were not perceived as significant ones.

Keywords: explanatory model; rational choice institutionalism; sociological institutionalism; causality; conditions; deductive-nomological model; categorial scheme.

References

Boltanski L.,Thévenot L. *De la justification: les économies de la grandeur*. (Russ. ed.: Boltanski L.,Thévenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. 576 p.).

DiMaggio P. Interest and Agency in Institutional Theory. – *Institutional Patterns and Organizations*. Cambridge, MA: Ballinger. 1988. P. 3-22.

Fligstein N. Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of The New Institutionalisms. (Russ. ed.: Fligstein N. Polya, vlast' i sotsial'nye navyki: kriticheskii analiz novykh institutsional'nykh techenii. – *Ekonomicheskaya sotsiologiya: Novye podkhody k institutsional'nomu i setevomu analizu*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2002. P. 119-156).

Fligstein N., McAdam D.A. *Theory of Fields.* N.Y.: Oxford University Press. 2012. 256 p.

Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka (editorial board Patrushev S.V. (executive editor), Aivazova S.G., Panov P.V.) [*Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order.*]. Moscow: Russian Political Science Association (RPSA); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Russian Political Encyclopedia. 2011. 318 p.

Green, K., Shapiro J. Explanation policy from the standpoint of rational choice theory: Why so little able to learn? – *Polis. Political Studies*. 1993. No. 3. P. 59-74. (In Russ.)

Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms. – *Political Studies*. 1996. Vol. 44, No. 5. P. 936-957.

Institutionalism (Ed. by Peters G., Pierre J.). Los Angeles, Calif.: Sage. 2007. 4 vols.

Hempel C.G. *Studies in the Logic of Explanation*. (Russ. ed.: Hempel C.G. Logika ob"yasneniya. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 1998. 240 p.).

March J., Olsen J. Elaborating the "New Institutionalism". – *The Oxford Handbook of Political Institutions (ed. by Rhodes R., Binder S.A., Rockman B.)*. Oxford: Oxford University Press. 2006. P. 3-20.

March J., Olsen J. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. – *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. No. 3. P. 734-749.

Müller W., Strøm K. *Policy, Office, or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 319 p.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance,* (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "NAChALA". 1997. 189 p.).

Ostrom E., Crawford S. A Grammar of Institutions. – *American Political Science Review*. 1995. Vol. 89. No. 3. P. 582-600.

Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition (ed. by Kitschelt H., Wilkinson S.). Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 2007. 377 p.

Peters G. *Institutional Theory in Political Science: "The New Institutionalism"*. L.; N.Y.: Continuum. 2005. 183 p.

Scharpf F. Institutions in Comparative Policy Research. – *Comparative Political Studies*. 2000. Vol. 33. No. 6/7. P. 762-790.

Schmidt V. Reconciling Ideas and Institutions Through Discursive Institutionalism. – *Ideas and Politics in Social Science Research (ed. by Béland D., Cox R.)*. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 64-89.

Scott W. *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Thousand Oaks: Sage Publications. 1995. 266 p.

Tsebelis G. *Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics*. Berkeley: University of California Press. 1990. 274 p.

Turner J.H. The Structure of Sociological Theory. (Russ. ed.: Turner J.H. *Struktura sotsiologicheskoi teorii*. Moscow: Progress. 1985. 471 p.).

Weber M. *The Objectivity of the Sociological and Social-Political Knowledge*. (Russ. ed.: Weber M. Ob"ektivnost' sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya. – Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress. 1990a. P. 345-415).

Weber M. *Basic Sociology Terms*. (Russ. ed.: Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. – Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress. 1990b. P. 602-643).

Winch P. *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy. (Russ. ed.: Winch P. Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii*. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 1996. 107 p.).